

18+

Борис Безрода

Неправильные герои

Сборник рассказов

Борис Безрода

**Неправильные герои.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Безрода Б.

Неправильные герои. Сборник рассказов / Б. Безрода —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749920-4

Фантастика и реальность переплетены в шокирующих образах и темах этого сборника, состоящего из 13 рассказов. Книга повествует о необычных приключениях неприметных людей из разных социальных групп современного общества, совершающих часто необдуманные поступки. Экстремальные ситуации, в которые попадают герои, нередко приводят к эпатажному завершению. Сюжеты рассказов основаны на событиях настоящего и недалёкого будущего. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749920-4

© Безрода Б.
© Издательские решения

Содержание

Королева клопов	6
Павлик Морозов	18
Козёл	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Неправильные герои

Сборник рассказов

Борис Безрода

*...люди не рождаются. Рождаются организмы, а люди у нас
делаются – трактористы, мотористы, академики, учёные и так
далее...*

Трофим Денисович Лысенко, академик

© Борис Безрода, 2023

ISBN 978-5-4474-9920-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Королева клопов

Не задался конец рабочего дня у Артура Каримовича. Вначале в бухгалтерии обнаружили, что не все расходные документы содержат обязательные реквизиты, необходимые для налоговиков. А ведь с налоговой придётся общаться на следующей неделе. Затем пришлось взглянуть на новую сотрудницу. Она появилась в офисе без его желания, а он ничего не мог сделать. Это раздражало. Абаз, недавно ставший руководителем нового филиала его компании, сделал подарочек. А Абаза следует опасаться. С ним они числились в друзьях много лет, но постоянно пытались подчинить, поглотить компании друг друга. Чеченский друг чётко прицеливался на его московскую недвижимость, а Артура Каримовича в свою очередь, всегда интересовала возможность подобрать под себя нефтяные вышки, которыми Абаз владел в Ханты-Мансийском автономном округе.

Абаз непонятно откуда доставал много денег, новеньких столетних банкнот, только вышедших из типографии, и увесистыми пакетами давал их в долг под небольшие проценты. Явно надеялся в один прекрасный день наехать со своими абреками и потребовать сразу все переданные деньги и проценты на них. Поскольку десятки миллионов долларов наличными в момент никогда не сыщешь, Абаз забрал бы имущество, в лучшем случае сделав Артура Каримовича управляющим при себе. Но, Артур, ясно понимая планы друга, потихоньку тайно скупал акции его нефтяной фирмы, щедро платя Абазовские же доллары. Месяц назад у него образовался пятьдесят один процент таких акций, и, получив подтверждение от Федеральной Антимонопольной Службы, с удовольствием сообщил Абазу, что тот со своей компанией становится его филиалом. Абаз, конечно, попытался бычнуться, стал требовать свои деньги обратно, на что Артур Каримович победно ухмыляясь, пообещал прямо завтра назначить аукцион по продаже своих ханты-мансийских активов, чтобы добыть кэш. Абаз побесновался ещё немного, видать подсчитывал мощь своих бойцов при открытом противостоянии с ментами, крышевавшими Артура Каримовича. Осознав, что в открытой войне проиграет, он, показавшись, успокоился, тем более его компания осталась при нём, поскольку Артур по-дружески объявил, что ничего в структурах Абаза менять не собирается и тот остаётся при своём бизнесе, будет просто под формальным контролем.

Три дня назад Абаз позвонил, и неожиданно попросил на должность маркетолога принять его племянницу из Сибири, он уже нашёл ей квартиру в Москве, а придет она завтра. Артур Каримович понимал, что нельзя отказать Абазу. Удивился только, откуда у Абаза взялась племянница с русским именем и смешной фамилией – Таня Клопова. Наверное, Абаз снова какую-нибудь бяку придумал, подумал во время разговора Артур Каримович, но врага лучше иметь рядом, чтобы изучить и обуздать, а может даже приручить. Впрочем, может в Абазе действительно родственные чувства говорят? Может, нагулял с сибирячкой дочку, а сейчас шифрует такую родственницу.

Абазовскую племянницу вчера приняли на работу, и сейчас Артур Каримович для более близкого знакомства вызвал её – нового маркетолога, Таню Клопову. Таня оказалась маленькой, не выше метра шестидесяти, коротконогой, сисястой, жопастой девушкой. Её лицо, обрамляли чёрные, немного слипшиеся волосы, очевидно жирные от природы, подстриженные «каре». Впрочем, личико с далеко посаженными, раскосыми, но большими карими глазами, из-за чего нос казался очень широким, и толстенькими губками не отталкивало и даже казалось симпатичным. Первое, что мелькнуло в голове у Артура Каримовича, когда Таня, открыв дверь, шагнула в кабинет, насколько фамилия соответствует её облику. «Клоп, прямо клоп

в человеческом облике», – про себя засмеялся Артур Каримович и улыбнулся Тане. И ещё он подумал, что сибирячка, с которой Абаз сделал Таню, была не русская, а из племени хантов или манси.

Улыбка генерального видимо ободрила девушку. Она, смело прошла к столу и без приглашения уселась в кресло напротив Артура Каримовича. Он начал разговор о её подходах к анализу рынка. Задал лёгкий вопрос о том, когда и почему хорош своп анализ и изумился дремучести нового специалиста в профессии. За время, когда Таня пыжилась что-то ответить, ведь с отличием закончила управленческий университет, у него не раз прокрутилась в голове поговорка, которую изредка повторяла его жена Вика, которая была медсестрой, перед тем как стать домохозяйкой и женой миллионера: «ни бе, ни ме, а в жопе сумерки».

– Таня, вам надо много учиться, чтоб чего-то достичь, – мягко прервал словоблудие новой сотрудницы Артур Каримович.

– Мне учиться не надо. Я всё возьму сама, всё высосу, что захочу.

– Высосу? Вы минет имеете ввиду, Танечка? – изумился Артур Каримович, а ещё он удивился тому, что его нос почувствовал едва заметный удушливый мускусно-приторный запах клопа, исходящий от девушки.

– Ну и его, хотя бы. Вам наверняка уже за сорок, так что надо будет помогать эрекции.

– Мне кажется, вы завели несколько бесцеремонный разговор, Таня. Давайте сейчас прервём беседу и вернёмся к ней позже. Вам же надо задуматься о приобретении знаний в маркетинге. Я посоветую вашему начальнику помочь вам. А сейчас идите.

Девушка встала с кресла и двинулась из кабинета. Задержалась в дверях и пристально посмотрела в глаза Артуру Каримовичу. После секундной паузы сказала нечто сумбурное:

– Спасибо, что заговорили о минете. Обидеть захотели? А у меня будет быстрый рост до главы компании, я могу высосать победу, – засмеялась каким-то своим непонятным мыслям, и, хлопнув дверью, вышла.

Минетчица хренова, ведь для Лизы секретарши она про минет сказала, сучка. Точно, Клопова – клоп, – подумал Артур Каримович. Ещё задумался о том, что не стоит сейчас звонить Абазу и обсуждать бесцеремонность его протезе. Понял, что неспроста он её заслал, но девицу надо всё-таки приручить, обучить маркетингу, а не выгонять сразу, стоит ей для начала подарить хороший парфюм, ведь от неё клопами пахнет.

Его размышления прервала заглянувшая в дверь секретарша Лиза.

– Можно я домой, Артур Каримович? – спросила она.

– Конечно, Лизанька, что уже шесть?

– Да, начало седьмого. Вы так увлеклись новой сотрудницей, что и не заметили конец рабочего дня.

Уколола. Клопова, громко проорав о минете, вселила ревность в Лизу, – понял Артур Каримович и ему пришлось пооткровенничать:

– Нисколько не увлёкся, Лиза. Ты же знаешь, я однолюб, тем более нашла, кого с собой сравнивать. Это девица Абаза и поэтому бесцеремонна. Пока бесцеремонна.

Лиза повеселела и, закрывая дверь, сказала:

– А ещё от неё почему-то клопами воняет.

За закрытой дверью в приёмную, можно было услышать, как Лиза переодевает туфли на сапоги, а затем надевает шубу. Наконец, её каблуки застучали на выход. Артур Каримович постарался выгнать из головы образ Клоповой, которая явно испортила ему настроение на весь вечер. Задумался куда поехать. День не удался, и ему не хотелось ехать в фитнес-клуб или встречаться с друзьями, что он почти ежевечернее делал. Он любил отдыхать в обществе, имея за спиной достигнутые за день победы, которые дарят чувство самодостаточности, а сегодня он ощущал себя не совсем победоносно. Также не захотел ехать в пустую московскую квартиру. Поэтому решил провести вечер с семьёй: женой Викой, дочками Светочкой, Леночкой, Алиной и трёхгодовалым сыном Эриком, отправившись в свой загородный дом в Малаховку, где на пятидесяти сотках проживала его любимая семья.

Артур Каримович спустился на лифте в гараж, который занимал подземный этаж особняка, в котором он устроил свой офис. Даже здесь его сегодня ждало разочарование. Шофёр Петя застрял в пробках, перегоняя его Лексус из мастерской дилера после техобслуживания обратно в гараж. Просторный и манёвренный Прадо тоже отсутствовал, видимо его забрал главбух, поехавший под вечер к партнёрам разбираться с реквизитами. Оставался скромный Мурано, который не очень нравился Артуру Каримовичу, но ждать Петю с Лексусом не хотелось, и он решил сам сесть за руль свободной машины, чтобы быстрее отправиться к семье.

Заснеженная Москва, как обычно, стояла в пробках. На дорогах жабель и загазованность из тысяч и тысяч выхлопных труб, смрадными белыми облачками выбрасывающими ядовитый выхлоп в морозный воздух, освещаемый фарами автомобилей. Артур Каримович томился, передвигаясь с черепашьей скоростью. Отмечал про себя, что его четыреста шестидесятый Лексус пользовался большим уважением на дороге. Во всяком случае, он не замечал, чтобы его кто-то особенно подрезал, когда он ехал в своём любимом чёрном огромном авто, а вот Мурано не котировали, и чайники постоянно притирались на скользкой дороге, так и норовя «поцеловаться». Вспомнил своего дружка ещё с комсомольских времён Митю Разгуляева, и весело представил, как Митя управляется в тяжелейших московских пробках. Митя бизнесменом так и не сделался, зато стал директором ветеринарного института, а денег сделал, пожалуй, поболее, чем Артур Каримович, поскольку все институтские земли продал, прежде всего не забывая самого себя. А земель у Митино института было не мало. Продажа земель превратила Митю в миллионера, но типа Корейко из знаменитых «12 стульев», ездит на маленьком рено-симбол, чтоб все видели и понимали, что он бедный и честный. А на дорогах его видать все шпыняют как бедного и честного ложка. Как же, бедный начальник колхозного института, усмехнулся Артур Каримович, ведь только он сам отдавал своему дружку-директору лимон баксов наличными за земельку в Малаховке, где и построил дом, в который сейчас так стремиться, ползя в этих ужасных пробках.

Достигнув кольцевой, Артур Каримович решил поехать в обход, избегая вечную пробку на Новорязанском шоссе, ведущим в его знаменитый посёлок. Повернул на Кожухово, стороной объехал Люберцы и въехал на дорогу, ведущую на Торбеево с радостью замечая, что поток машин движется всё с большей и большей скоростью. Да уж, страна парадоксов. Нынче не доехать быстро в столичном регионе по короткому пути, а вот если знать, где сделать крюк километров на сорок, то можно доехать быстро. И это знание поднимало настроение Артуру Каримовичу. Он уже предвкушал, как скоро влетит в Коренёво, а там и до Малаховки рукой подать, войдёт в свой уютный особняк и хохлушка повариха Настя принесёт его любимый наваристый превкусный борщик, и он поужинает с обожаемой семьёй, выпьет виски, заест напиток козьим сыром, хамоном с ананасом и манго, пообщается с дочерьми и поиграет с малышом Эриком. А совсем на ночь попарится с Викой в баньке и баиньки в раритетную кровать, которая принадлежала некогда самому Генсеку Андропову. Семейные ценности непреложны, это святое. Голодный Артур Каримович набрал на телефоне Настин номер и попросил её через пятнадцать минут разогревать борщ и готовить всё к ужину, но не говорить о его приезде семье, пускай для них будет сюрприз. Ещё каких-то двадцать километров быстрой езды и он будет дома.

Дорога, покрытая серым льдом, плавной дугой огибала огромную мусорную гору торбеевской свалки. Машина стучала, как вагон поезда, преодолевая рытвины на асфальте, которые не закрыл даже зимний лёд. Но этот стук его только радовал, поскольку настоявшись в пробках, испытывал удовольствие от быстрой езды. Ах, как он завидовал тем счастливицам, которые ухватили дорожный бизнес. В этой стране дорожные работы – настоящее Эльдorado, делай плохо, ремонтируй никак – заплатками, ведь расходы и качество на них учесть нельзя, зато получай госзаказ и бесперебойное федеральное финансирование. Даже с учётом огромных откатов, неучтённые асфальт и щебень легко подарят праздник жизни и, как минимум, виллу в Майами, где можно будет коротать старость на пенсии. Но, пожалуй, ещё более прибыльно – командовать антигололёдными реагентами. Ведь все траты можно списать на непогоду, поди, проверь, что где не так...

Неожиданно возникшая глубокая яма под правое колесо прервала его размышления. Он резко и до отказа нажал на тормоз и так же резко крутанул руль влево, пытаясь объехать препятствие. Видимо, это была ошибка. Скользящая дорога не простила невнимательность. Машину развернуло, а потом, показалось, она взлетела и, как заправский истребитель, тяжёлый кроссовер проделал бочку – фигуру пилотажа, перекрутившись вокруг оси своего полёта. Кульбитам автомобиля он испугаться не успел, только мышцы самопроизвольно сжались от выстрелов раскрываемых подушек безопасности. Через мгновение Артур Каримович почувствовал, что висит на боку, прихваченный ремнём безопасности. Он упёрся ногами в переборку между передними сиденьями автомобиля и сумел ослабить давление ремня на тело, а затем и отстегнул его. Потянул вверх дверь, которая, оказалось прилично тяжелой, если поднимать её снизу вверх, но он победил дверь и, распахнув дверной проём, вылез на левый бок автомобиля, который теперь являлся его вершиной.

Стоя на покатам борту машины, он с облегчением ощутил, что у него нет никаких повреждений, даже не единой царапинки. Этот факт оказался решающим для того, чтобы его испуг от аварии улетучился, и он повеселел. Огляделся, и, присвистнув, оценил, что машину выбросило неожиданно далеко, метров на десять от трассы, которая на полтора метра возвышалась над небольшим полем, в которое он так нечаянно приземлился. За дорогой можно было разглядеть бетонный забор, опоясывающий свалку. Артур Каримович немедленно искренне поблагодарил своего ангела-хранителя, осознав, что если бы машина полетела не налево от дороги, а направо, он бы серьёзно расшибся и хорошо, если бы летел уже к Богу, а то, что страшнее,

остался бы инвалидом на всю жизнь. Осознав как удачно высшие силы отвели его от страшного, он окончательно успокоился. Начал представлять, как с удовольствием будет рассказывать на зависть друзьям об этом приключении, не каждый день такое случается, а что до машины – так железка застрахована, никаких проблем.

Он спрыгнул в сугроб, провалившись по пояс. Ноги, одетые в лёгкие полуботинки, сразу заохлодели, поскольку в них попал жёсткий холодный снег, холод стиснул и грудь, прикрытую тонкой шёлковой рубашкой и лёгким пиджаком. Уши также защипало на морозе. Эйфория от спасения прошла. Он понял, что у лежащего на боку кроссовера всё ещё работает двигатель, а от мотора донёлся сильный запах бензина. Увязая глубоко, по пояс в сугробе, руками разгребая перед собой снег, он, живо стал отходить от автомобиля. И вовремя. В моторе вдруг полыхнуло пламя, а в следующую секунду огонь появился в салоне, и машина загорелась большим чадящим костром.

Артур Каримович снова испугался, когда не нашёл в карманах пиджака свой смартфон. Точно, он вспомнил, что до происшествия разговаривал с кухаркой Настей и бросил трубку на правое сиденье. Он стоял почти по пояс в сугробе метрах в двадцати от дороги и на таком же расстоянии от горящего остова автомобиля, который ярко вспыхнув, уже через минуту перестал полыхать, превратившись в чадящую грудку металла. Редкие машины на трассе притормаживали, водители рассматривали в темноте остатки автомобиля, но никто не тормозил, видимо не замечали его во мраке, а даже, если бы и заметили, то, наверное, всё равно не остановились, мало ли кто на дороге, нынче опасные времена. Зато в противоположной стороне, на опушке лесочка, который начинался метрах в пятидесяти от него, он заметил троих мужичков, которые оживлённо переговаривались, светили фонарём, явно с интересом обсуждая аварию, и жестами и криком приглашали его к себе. Предполагая, что недалеко садоводческое товарищество, он, разгребая снег, пошёл к людям, чувствуя, как начало ломить от холода ступни и кисти рук. Впрочем, сейчас он не обращал на это внимание, полагая, что через считанные минуты найдёт обогрев и мобильный телефон, а через пару звонков жизнь снова наладится, и останутся только лихие воспоминания от приключения.

Подойдя поближе, он понял, что ожидавшие на опушке граждане были явными бомжами. Однако, мороз не оставлял выбор и Артур Каримович, подавив в себе брезгливость, преодолел остаток пути.

– Да уж, пролетел! – широко улыбаясь, скаламбурил он, – спасибо, мужики, что позвали, – А то в аварии спасся, а от мороза подох бы без вас.

– Чё, мы нелюди, чё ли? – пробасил самый здоровый из троих.

Артур Каримович приблизился близко к бомжам, протянул им уже плохо слушающуюся от холода ладонь и коротко представился:

– Артур.

Каждый из мужиков пожал протянутую ладонь, и Артур Каримович узнал, что его встретили Иван Иванович, Лёха и Али. Все трое были патлаты, у Иван Ивановича и Лёхи были к тому же длинные кудлатые бороды и усы, с ними контрастировал Али, который то ли был гладко выбрит, то ли у него вовсе не росли волосы на лице. Одеты они были явно с помойки, на Али вообще, показалось, было женское пальто с потёртым лисьим воротником, которое

сверху на груди закрывала шаль, завязанная четырьмя концами в узел на спине. Даже на морозе при ветерке Артур Каримович почувствовал от мужиков миазмы смрада немых тел, затхлости и перегара.

– Мужики, а телефончик не одолжите, помощь вызвать? – попросил он.

– Да нет у нас телефона, – пробасил Иван Иванович, – незачем он нам.

А Лёха со смешком добавил:

– Не украли ещё.

– А что же делать? – обалдело спросил Артур Каримович, обескураженный ситуацией.

– А что делать, – ответил Иван Иванович, – иди, если хочешь, с нами обогрейся. А то без этого издохнешь.

Артур Каримович и так понимал, что умрёт, если немедленно не отогреется и побрёл за бомжами, которые пошли в лесочек, за деревья. Метров тридцать он следовал за новыми знакомыми по тропинке, которая вывела на поляну, посреди которой горел костёр. На поляне снег был тщательно убран лопатой до твёрдого слоя, а вокруг костра вообще виднелась земля, неровно обрамлённая с одной стороны золой, а с другой – снегом. На этом ободке земли топорщилась коротенькая зелёно-жёлтая травка, указывающая на то, что огонь развели здесь давно, что горит он несколько дней, а может недель на одном месте, так что на земле образовался жизненный островок, нашедший баланс между огнём и трескучими холодами, навалившимися этой зимой.

Поляна, куда привели Артура Каримовича, была, как бы отгорожена от поля полуразвалившимся кирпичным забором, и, соответственно, он был параллелен трассе, с которой он вылетел. Этот забор защищал от ветра с поля и не давал возможности автомобилистам с дороги увидеть костёр, поддерживаемый маленькой коммуной. Недалеко от забора, по обе стороны от костра, виднелось два сооружения. Прямо перед ним возвышалась небольшая, занесённая снегом крыша землянки, а может подвала, с маленькой, но массивной дощатой дверью, метра полтора в высоту и сантиметров семьдесят в ширину. А по левую руку от него стоял домик или сарайчик с окнами, заколоченными досками. Он удивился этому, чисто южнорусскому сооружению, которое было сделано не из кирпича и не из дерева, а из самана, то есть из глины, армированной деревянной дранкой. Насстенах домика сохранилась побелка, но участки обвалившейся глины на стенах позволяли рассмотреть их устройство.

– Что, залюбовался? – спросил Лёха

– Ну да. Необычное сооружение для подмосковья двадцать первого века. Будто хатка привезена с Украины или Молдовы, может, Кубани, – ответил Артур Каримович.

– Так в Москве и Подмосковье вся страна живёт. Так захотели красавчики, захватившие страну в семнадцатом году и их новые приспешники, реставрировавшие партсистему в феодализм. Так чё удивляться-то? – засмеялся Лёха.

– Да ты, Лёха, прям как доктор философии рассуждаешь, – хохотнул в ответ Артур Каримович и осёкся, заметив, как посуровело лицо его собеседника.

– Так я, чувак, и есть доктор философии. А ты чем знаменит, кроме того, что сумел ловко наворовать, нечаянно для себя оказавшись в нужном месте в нужное время? – спросил Лёха, резко и агрессивно повернувшись к Артуру Каримовичу.

Артур Каримович реально испугался собеседника, но природная смекалка позволила ему парировать слова оппонента.

– Да ладно, Лёха, не кипишись, вот выползу отсюда и открою философский институт и тебя во главе поставлю. Я успел уворовать, а ты нет, но через институт восстановим божескую справедливость, перераспределяя между нами деньги, да и обществу, явно будет лучше от этого, всё прогресс будет. Зуб даю, Лёха, что институт с тобой открою. Только выбраться бы.

– Зуб херня, – ответил Лёха и, зажав указательным пальцем правую ноздрю, сморкнулся, – за базар, зубом ответить не проблема. Ведь, правда, не проблема?

– Ты, Лёша, по другим меня не суди. Я, Артур, тебе сказал, я сделаю. Вас всех отблагодарю, ведь вы меня спасли, правда? – полувопросительно произнёс Артур Каримович, не совсем понимая как развернуться события. Надо же, дурно пахнущие доктора философии объявились, а ведь, по его мнению, все достойные доктора сидят в чистоте в кембриджах и гарвардах, поскольку не осталось в этой стране ни науки ни философии, осталось здесь только удобрение для эксплуатации, алкаши крепостные.

– Ну, ну, – завершил диалог Лёха, – ты, Артурка, иди к костру, погрейся, а то замёрзнешь до смерти и кранты моему институту философии.

У костра стояли чурбаны, Артур Каримович примостился на один из них. Вытянул ноги и руки к огню. Замёрз настолько, что прошла, может, минута, а то и более, когда, наконец, конечности почувствовали жар. Стопы и пальцы на руках заломило теперь от тепла. Видать сильно они были переморожены. Лицу и груди тоже стало тепло, зато спину сковывал мороз, и пришлось повернуться спиной к костру. Так он и ворочался, подставляя огню то бока, то спину или грудь, а Али с Иван Ивановичем воткнули около костра два кола с рогатинами на концах, а между ними перекинули жердь, к которой подвесили котелок.

Из маленькой двери землянки согнувшись, вышел Лёха, в руках он держал байковое одеяло.

– На вот, возьми, – протянул он одеяло Артуру Каримовичу, – а то ворочаешься, словно сопля на сковородке.

– Спасибо, – только и сказал Артур Каримович и накинул протянутое одеяло на плечи, закрыв спину.

Подумал, что ничем сейчас брезговать не надо, а доберётся до дома, сбреет все волосы и на голове и на всех других частях тела, выбросит всё, в чём сейчас одет, проведёт полную дезинфекцию.

С прикрытой спиной жить оказалось много теплее, от тепла он посоловел и лениво наблюдал, как в котелке готовится закипеть вода.

В поле его зрения появился Иван Иванович с поллитровой бутылкой.

– На, хлебни!

Артур Каримович молча покачал головой

– Брезгуешь? – пробасил Иван Иванович и сам отхлебнул из горла.

Вслед за Иван Ивановичем из бутылки отхлебнул Лёха, а потом Али. Когда Али запрокинул голову для того, чтобы отпить из бутылки, вязанная куполообразная шапочка с его головы слетела, раскрыв чёрные волосы достаточно длинные, почти закрывающие уши. Артуру Каримовичу с удивлением почудилось, что Али очень похож на его нового маркетолога – Таню Клопову. Но он быстро забыл об этом своём наблюдении, потому что краешком глаза уловил шевеление по краю своего одеяла. Скосил глаза и увидел медленно ползущих двух клопов. Тельца их были раздуты, очевидно, они уже напились крови, его, Артура Каримовича крови. Он вскочил, сорвал с себя одеяло, и начал его остервенело трясти, оттряхивая от пыли и насекомых.

– А чистоплотный у нас Артурка, хохотнул Иван Иванович. На одного вертухая у нас в Дальяге похож. Тот тоже всё отряхивался от вшей и гнид, а потом его нашли в одном сапоге, а на шее была удавка из белых вшей.

– Не привык я, Иван Иванович, давать себя жрать без боя, – произнёс Артур Каримович, снова усаживаясь на колоду и накидывая на себя одеяло

Он с удивлением смотрел, как Али, прижав к груди большую трёхлитровую металлическую банку очень похожую на те, в которые в советские времена паковали повидло, доставал из неё длинных, толстых шевелящихся дождевых червей и бросал в котелок с кипящей водой.

– Вы, что идите их?

– Ну да, – ответил Али, продолжая своё дело.

– Довольно вкусно, – сказал сидящий справа Лёха и отхлебнул из бутылки, крякнул, – хорошо пошла. А в червях есть секрет. Они вдоль своего тела, в пищеварительном тракте содержат землю, которую жрут. Если эту землю оставить она будет скрепять на зубах. Противно будет, да и зубы повредить можно. Так вот мы определили, что если червяков поместить на слой соли за три дня до готовки, вся земля из них уходит и червь становится чистеньким. Остаётся одно мясо.

– А откуда ж червяки зимой?

– Так мы их специально разводим, у нас три ящика с компостом и торфом в землянке с нами зимует.

– То есть вы им всякие отходы кидаете?

– Ну, не говно, конечно, но перегнивший мусор – да, – подвёл итог Иван Иванович.

– А чё, вещь вкусная. – продолжил Лёха, – Вон Али, как-то под Рязанью бабу нашёл. Они разводили червей, варили их в солёной воде с лаврушкой и перчиком, делали фарш, который шёл на начинку для пирожков. Пирожки продавали в межобластных электричках и поездах, как пирожки с ливером. Прекрасно пирожки расходились. Хороший баблос получали.

Али отнёс банку с червями в землянку и вернулся оттуда с пакетом лапши «Alibaba». Помешал своё варево палкой. Отхлебнул из бутылки и с грустью констатировал:

– Померла баба-то.

– От червяков? – заинтересовался Артур Каримович.

– Нет, пожертвовала себя Королеве, моей сестре, голодна уж очень сестрёнка была тогда, – произнёс Али, и Артур Каримович вдруг осознал, что голос у Али изменился.

Последнюю реплику Али произнёс женским голосом и удивительно знакомым. Голос Тани Клоповой имел тот же самый тембр и звучание.

Иван Иванович вытряхнув в себя остатки содержимого из бутылки, попросил Лёху принести из землянки ещё бутылёк, и продолжил рассказ для Артура Каримовича:

– Али, он не совсем Али, он не с юга, а с севера, ханты, вроде. Это мы его тут, когда работаем на свалке, Али прозвали. А на самом деле имя его сложное, но и произносить его нельзя, иначе проклятье будет, а Али говорить нормально, безопасно. Али, он наследник шаманов, Королевич, типа. Они ханты ведь никогда не мылись, холодно у них. И если бы не шаманы, издохли бы от всяких гадов: глистов, вшей, червей. На протяжении многих веков научились шаманы управляться с этими тварями. Как они ими командуют – непонятно, но их народы через шаманов от гадов не страдают, но если кто шамана обидит, или подкупит, он может порчу всякими паразитами прописать.

Вторая бутылка, которую принёс Лёха, прервала монолог Иван Ивановича, поскольку он хлебнул из новой бутылки и, ловя алкогольный кайф, замолчал.

– А ведь и спить шамана можно. Заставить его полюбить водку, и вить из него верёвки. Верно ведь? – предположил Артур Каримович.

Впрочем, вопрос его растворился в морозном воздухе. Его новые знакомые были поглощены созерцанием того, как Али ложкой достаёт из котелка лапшу с червями, придерживая массу грязным пальцем, и поровну раскладывает её по мискам. Черви после варки из красно-коричневых превратились в белых, под цвет лапши.

Артур Каримович сидел, грелся у костра, и, бездумно смотрел, как его спасители с аппетитом уплетают пищу. Не ел, не пил, но реально ощущал, что по мере распития бомжами напитка, также пьянеет вместе с ними, его зашатало и ему очень захотелось спать.

Али расстегнул пальто. И Артуру Каримовичу показалось, что он заметил у Али женскую грудь. Артур Каримович пытался бороться с опьянением, но наркотическое ощущение,

в которое он проваливался, было сильнее его. Али исчез, вместо него возникла Таня Клопова. Образ девушки он настолько явно стал различать в Али, что не удержался и спросил:

– Али, а знакома ли тебе Таня Клопова?

Али вздрогнул и почему-то зарделся, покраснел. Один в один он был Таней Клоповой.

– А не женщина ли ты, Али? – продолжил вопрос Артур Каримович.

Али вскочил и схватился за нож. Иван Иванович тоже вскочил и ухватил Али за плечи.

– Мне тоже твоя жопа нравится, – крикнул Али.

Иван Иванович, удерживая Али за плечи, предложил идти спать. Сказал, что ночью Артуру Каримовичу идти на трассу без толку, никто не остановится, а днём есть шанс, что его кто-нибудь подберёт и он спасётся. И предложил Артуру Каримовичу пойти с ними в землянку, мол, там тепло.

– Не только Али, но и Иван Ивановичу твоя жопа понравилась, – хохотнул Лёха.

Артур Каримович понял, что пора прекращать общение. Он поднялся, с сожалением взглянул на тёплый костёр и пошёл в хатку. Иван Иванович сказал ему вслед, что единственная комнатёнка в домике малюсенькая, он надышит там и тепло его дыхания не даст замёрзнуть ночью.

Зашёл в помещение. Действительно внутри домик состоял из одной небольшой комнаты, и в ней точно было теплей, чем на улице. На полу валялся большой ворох тряпья. Скинул с себя одеяло и бросил его на тряпье лёг на один край, другой накинул на себя сверху. Получилось даже уютно и тепло, сразу стал засыпать.

Проснулся от того, что в темноте на него что-то сыпалось с потолка, будто снег. Только этот снег был не холодный и был ещё сухой. Падающих снежинок мгновение за мгновением становилось всё больше и больше. Удивился, какой снег в комнатёнке, ведь потолок-то на месте и надышал он уже. В тепле лежит. Артур Каримович, окончательно проснувшись, раскрыл глаза, взглянул на потолок и в темноте разглядел его шевеление. В страхе стал подниматься и вдруг почувствовал, как его тело всё враз засвербело, зачесалось. Он в панике попытался рывком вскочить, но ноги запутались в тряпье, потянулся к дверям, и тут потолок обвалился и он осознал себя в центре кишачего клубка клопов. С рыком омерзения стал их стряхивать с себя. С ужасом увидел, что тех, которые присосались к коже, он не может смахнуть движением ладони. Голодные, они крепко приставали к его телу. Кожа покрылась клопами, как чешуёй, не оставив ни одного свободного от них миллиметра. Он чувствовал, что клопы были и под трусами и под рубашкой и в туфлях. Дальше он видеть перестал, потому что клопы в мгновение налипли на веки и на глаза. По невероятному зуду он осознал, что всё его тело, абсолютно всё, без промежутков, покрыто клопами, которые, надувшись его кровью, отваливаются, и их место занимают другие.

Дверь оказалась закрыта. Снаружи он услышал смех Абаза. Перестал стряхивать с себя клопов, понимая, что это бесполезно. Стал колотиться в дверь, забился в неё, невзирая на дикую боль в разбитых кулаках. Зуд на теле был сильнее. Клопы забили ноздри, облепили

язык, каждый вдох засасывал этих тварей в бронхи. В невероятном усилии он отодвинул то, что прижимало дверь снаружи, и распахнул её настолько, чтобы протиснуться вон из проклятого домика. Выбежал на мороз, стал сбрасывать с себя одежду, одновременно отбегая от клопиного гнезда и царапая ногтями саднящее тело. Кулаками принялся тереть веки, давя на них насекомых, и сумел приоткрыть глаза. У костра разглядел Таню Клопову. Она задорно смеялась. Или нет, Тани Клоповой не было, смеялся Али. Для него, когда одновременно сотни миллионов клопов высасывали кровь, это было неважно. А ещё он увидел Абаза, тот сидел на пенёчке около костра, комфортно завернутый в бобровую шубу и победно улыбался во весь рот. В правой руке Абаз держал доску-планшетку, под клипсом которой был зажат лист бумаги, заполненный длинным текстом.левой рукой Абаз протянул Артуру Каримовичу чернильную ручку «Parker» с золотым пером и, смеясь, предложил:

– Подпиши, Артурчик, и сразу пройдёт наваждение. Не спорь, иначе погибнешь, высосанный клопами. А подпишешь, Королева отпустит тебя, – как обычно в нос, будто соплю глотая, проговорил Абаз и, не сдержав веселья, гортанно засмеялся.

К моменту, когда Абаз закончил свою победную фразу, Артур Каримович сорвал с себя всю одежду, остался совсем-совсем голым и, не обращая внимания на окружающих, в два шага подбежал к краю поляны, бросился в сугроб, закатался в нём, с остервенением тёр всё своё тело ладонями, сбрасывая клопов, начавших быть податливыми от мороза. Замерзал сам, так что все кости его голого тела заломило. По мере того, как он освобождал себя от клопов, усиливалась боль в его обледенелом теле. В какой-то момент он поднялся из сугоба, красного от отпавших клопов и подбежал к костру. Почёсываниями пытался избавиться от свербящего зуда в искусанном теле и одновременно прыгал, вертелся вокруг костра, пытаясь согреться.

Абаз всё его увещевал, беснующегося:

– Подпиши, бумагу Артур, не будь идиотом. Ведь умрёшь же. Подпиши, а я дам тебе шубу и валенки. Ведь не всё ж я у тебя отбираю. И особняк в Малаховке, и московскую квартиру, даже офис твой – тебе оставляю. Подпиши, как друга прошу!

Артур Каримович чувствовал, что погибает, замерзает и единственный путь спастись – обменять свою подпись на одежду, что предлагает Абаз. В какой-то момент своей дикой, голой пляски у костра, он, обезумевший от боли, схватил из рук Абаза ручку и закричал, пытаясь выйти из беспамятства:

– Шубу давай! Валенки! Ссука!

В тот же миг, почувствовал, как Абаз, сорвав с себя, накинул на него шубу, а чьи-то руки, протянувшись сбоку, поставили перед ним валенки, и он немедленно залез в них. А Абаз всё совал, совал ему бумагу, и застывшая от холода рука Артура Каримовича, держащая ручку «Parker», вдруг, как бы сама, поставила его размашистую подпись на протянутой бумаге.

На мгновение всё замерло, на мгновение Артур Каримович провалился в небытие от спазма в голове. Произошедшее горе от лишения нажитого вызвало этот мгновенный обморок. А потом вдруг раздался протяжный, громкий визгливый бабий хохот Али.

Нет, то был не Али. Артур Каримович увидел перед собой хохочущую Таню Клопову. Она сидела в его кресле за его столом вишнёвого дерева, и громко, задорно, заливисто повиз-

гивая, хохотала. Её довольное круглое лицо было в капельках пота, а чёрные жирные волосы слиплись, будто она только что пробежала марафон. На столе сидел Абаз, он, ухмыляясь, любовался на подпись, только что поставленную на документе, закреплённом на планшетке. Слева у стены стояли два бородатых головореза Абаза.

Он сам находился посреди комнаты голый перед лежащим на полу кругом из оцинкованной жести, на котором догорал костёр, сооружённый из обломков одного из его раритетных стульев. Дым от костра ровным белёсым столбом тянулся в отменно работающую вытяжную вентиляцию. Всё его тело невероятно чесалось. Зудящие ноги покоились в тёплых валенках, а на свербящие плечи была накинута длинная, почти до пят шуба его секретарши Лизы. Он ей эту шубу сам дарил. Для проверки догадки о владелице шубы, Артур Каримович повернул и приподнял подол, чтобы взглянуть на этикетку. До этикетки его взор не добрался: он в ужасе уставился на вереницу толстых, неторопливо копошащихся, налившихся кровью клопов, расположившихся в шве между шёлковой подкладкой и мехом.

Павлик Морозов

Павлик общался с папой мало, потому что Морозов старший уезжал на службу затемно, когда Павлик ещё спал и возвращался поздно вечером. Зато Павлик знал, где папа хранит мешочек с бриллиантами. Была у Павликиного папы страсть: менял он денежные бумаги, заработанные упорным трудом, на брюлики. И когда ему удавалась сделать очередное приобретение, поздним вечером, после ужина, садился он за массивный письменный стол, сделанным из ольхи, и любовно рассматривал в большую лупу каждый из экземпляров своей антикризисной коллекции. В такое время Павлик подходил к торцу стола и молча, тихонько посапывая, рассматривал с папой бриллианты.

Ещё в жизни Павлика был дедушка. Дедушка приходил в гости по воскресениям. Всегда с гостинчиками для него в виде конфет, шоколадок или тортика. Он строго спрашивал об успехах в учёбе и почти никогда не улыбался, был суровый. Павлик опасался дедушку, потому что кожа под одеждой у него была синей и чешуйчатой. Мама говорила, что у дедушки псориаз и лечит он его настойками серебра, потому и посинел, но Павлик ей не верил. Павлик догадывался, что дедушка был рептилией из космоса.

Больше всего времени Павлик находился в квартире с мамой. Но он был у мамы на втором месте, а на первом – любовник дядя Лёва. Дядя Лёва работал вначале ментом, а потом стал полицейским, но продолжал называть себя гордым словом мент. Дядя Лёва часто приходил к маме днём, они запирались в спальне и возились там. Мама просила Павлика не рассказывать папе о своём друге, если он её хоть немножечко любит. Павлик любил маму, но ненавидел дядю Лёву, потому что он чувствовал несправедливость к папе, к тому же дядя Лёва при встрече всегда хлопал ладошкой по его щеке.

Однажды, когда Павлик только вернулся из школы домой, в дверь позвонили. Мама была в ванной, поэтому пришлось открыть Павлику. В квартиру зашёл дядя Лёва и, как обычно, со словами «ну здравствуй, здравствуй», стал похлопывать Павлика по щеке, смотря куда-то в сторону.

– Перестаньте меня трепать по щеке, и вообще не дотрагивайтесь до меня! – отважился прокричать в тот раз Павлик.

Дядя Лёва удивлённо и впервые взглянул на Павлика, пожал плечами, выпячивая грудь, и молниеносно прижал его к стене прихожей, схватив одной рукой за горло, а ладонь другой сунул ему между ног и больно там сдавил.

– Я, щенок, что хочу, то и делаю, мне можно, – прошипел дядя Лёва, зло глядя в глаза Павлику, – понял?

Павлик испугано кивнул и дядя Лёва его тут же отпустил. Мальчик попятился назад в комнату и, чувствуя, что он сможет убежать от мужика, если тот снова кинется на него, сглотнув, сказал то, о чём подумал:

– Я убью вас, дядя Лёва. Найму бандитов и убью.

Дядя Лёва обидно засмеялся и сквозь смех спросил:

– На какие шиши ты найдёшь бандитов? Бандиты нынче дорого стоят. А чтоб мента замочить, возьмут впятеро дороже те же менты. Только мент в авторитете. Нас все боятся. Ведь мы, сопляк, власть.

От обиды, что его угроза оказалась шутовской, Павлик честно развил свою идею:

– Продам папины брильянты и убью.

– Брильянты? – с интересом переспросил дядя Лёва.

Из ванны показалась мама, одетая в жёлтый махровый халат. Она стремительно, но плавно подошла к дяде Лёве, а тот обнял её и поцеловал в щёку.

– Иди к себе в комнату, Павлик, – со смешком сказала мама и продолжила хихикать дальше от того, что дядя Лёва, приобнимая её за талию, настойчиво устремлял их движение по направлению к спальне.

Вечером приехал папа, Павлик дождался, когда он умоется и поест, и пришёл к нему в кабинет, чтобы вместе с ним порассматривать коллекцию.

Неожиданно в дверь долго и настойчиво позвонили и, не прекращая звонить, начали в неё колотить. Из прихожей раздался испуганный голос мамы. Папа с Павликом бросились на шум. Мама как раз открыла дверь. В прихожую ворвалось трое мужчин, среди них был дядя Лёва. Один из ворвавшихся был в форме полицейского.

– Вот ордер на обыск от прокурора, – строго сказал дядя Лёва маме.

Он быстро достал из внутреннего кармана куртки какой-то лист бумаги. Быстро взмахнул им и убрал обратно.

– Позвольте взглянуть, – сказал папа, протягивая руку к дяде Лёве. Дядя Лёва вдруг оказался сбоку от протянутой руки и резко ударил папу в скулу.

– Где брюлики, козёл? – обратился он к оседающему папе.

У папы изо рта потекла кровь, и он сплюнул на пол. Плевков упал со стуком и Павлик увидел на полу в образовавшейся лужице вспененной крови белые осколки зубов.

Мама вдруг закричала, завывала звук «AAAAAAAAAAAA!». Из её глаз брызнули слёзы, она схватила Павлика, подняла, прижала к себе и бросилась к нему в комнату. Бросила его на кровать, села рядом и принялась навзрыд рыдать.

Павлик слышал шум из других комнат квартиры. Глухой и тяжёлый стук падающей мебели, редкие, хрипящие вскрики папы и почти неслышные удары в его тело.

Несколько раз испуганный Павлик порывался бежать спасать папу, но плачущая мама не пускала его.

В какой-то момент шум прекратился. Хлопнула входная дверь и это послужило сигналом для мамы с Павликом. Они пошли на кухню, из окна которой была видна дверь в их подъезд, не включая свет, посмотрели в окно и увидели, как трое непрошенных гостей проволокли безвольное тело папы от подъезда к полицейскому микроавтобусу, стоящему рядом, бросили его вовнутрь, и зашли туда сами. Микроавтобус плавно тронулся и уехал. Мама накапала валокордин Павлику, заставила выпить. Отвела в кровать. Павлик лёг и тут же уснул.

Разбудил Павлика резкий звук дверного звонка. Он открыл глаза. В окно светило яркое весеннее солнце. Первая мысль, которая его посетила, было то, что он опоздал в школу. Потом он подумал, что это не важно, а важнее другое, что-то страшное, настолько ужасное, что и вспомнить жутко и тут же осознал, что ночью дядя Лёва избил, искалечил папу, увёз его в тюрьму, а может, убил, забрал папину коллекцию бриллиантов и мамины драгоценности.

С ощущением тоски и безысходности, Павлик поднялся с постели и пошёл в туалет пописать. Стоя у унитаза, он услышал доносящийся из кухни голос бабушки. Спустив за собой воду, Павлик пошёл на кухню. Там, к нему спиной стоял бабушка, а у окна, перед ним, мама со стекающими по щекам слезами.

– Доигралась, сучка, блядина, – возбуждённо и зло говорил бабушка, – убью курву.

И сделал шаг к маме. Мама вскрикнула, открыла окно и, сделавшись маленькой и плоской, шмыгнула наружу. Ветер её подхватил и она, как кленовая семечка, кувыркаясь, взлетела в небо. Одежда, которая была на бабушке, внезапно упала вниз, из неё вырвался сноп переливающегося синими искрами, аквамаринового газа и тоже устремился через открытое окно вслед за мамой. Бабушка лежал на полу и не дышал. Его синяя кожа на глазах серела. Умер, – понял Павлик, и ему стало спокойно.

Он прошёл к себе в комнату. Оделся. Вышел из пустой квартиры, тщательно запер дверь на два замка и почему-то несколько раз подёргал её, проверяя хорошо ли она закрыта. Он ощутил ответственность от того, что он теперь единственный хозяин в доме и подумал, что мама с папой и бабушка одобрили бы эту его ответственность. Бегом спустился вниз по лестнице. Вышел из подъезда. Прошёл через двор, стараясь не глядеть по сторонам, боясь увидеть мёртвую маму. С удивлением отметил про себя как тихо и пустынно во дворе их дома в этот утренний час, когда те, кто обязан уже отправиться на работу и в школы, а пенсионеры и молодые мамы ещё только лениво готовятся выйти во двор. Он впервые очутился здесь в такое классное время.

Зашёл за гаражи и проследовал к полуразвалившемуся зданию заброшенной ремонтной мастерской.

Там, за заржавевшей, неподвижной, навечно открытой на треть железной дверью, под трухлявой крышей, между старых стен, выложенных из красного кирпича, крошащегося от времени, был вмонтирован рельс. К рельсу была привязана верёвка с петлёй. На этой верёвке старшие мальчики любили подвешивать за шею собак, а потом отрабатывать на их телах удары руками и ногами. Вот и сейчас верёвку натягивало тело собаки с переломанными костями.

Он подкатил под тело сосновый чурбан, поставил торцом, взобрался на него, и левой рукой обнял мёртвую собаку, приподняв её, а правой снял с неё петлю. Хотел было сразу бросить освобождённую плоть на грязный бетонный пол, но подумав, что не хотел бы, чтоб так

обошлись с ним, спрыгнул с чурбана и донёс собаку до стены. Аккуратно положил. Вернулся. Засунул голову в петлю и прыгнул. Ещё успел подумать, что, наверное, ребята немного удивятся прикольной новой макиваре.

Козёл

Петя шагнул из прокуренного тамбура вагона в дверь, распахнутую проводницей, спустился по двум металлическим ступенькам и спрыгнул на потрескавшийся асфальт перрона. Пошевелил плечами, потянулся и с удовольствием вдохнул свежий и вкусный осенний холодный воздух. Поезд за его спиной тронулся, и не торопясь, устремился вперёд. Петя оглянулся по сторонам и увидел в начале платформы дежурную по полустанку. Это была толстенькая немолодая брюнетка, одетая в чёрную железнодорожную шинель, застёгнутую на жёлтые латунные пуговицы. В левой руке она держала свёрнутые в трубочку красный и жёлтый железнодорожные флажки, а правой доставала из кармана семечки, лузгала их, сплевывала шелуху и задумчиво глядела на набирающий скорость поезд. Петя подошёл к начальнице и вежливо поинтересовался, как проехать в местечко Выселки. Тётка отвлеклась от созерцания поезда, развернулась и с интересом взглянула на него.

– А что за дела на Выселках у столичных молодцов? – поинтересовалась она.

Петя вспомнил рассказы о том, что в провинции все должны всё знать о приезжих, тогда народ будет доброжелателен, и вежливо ответил, что приехал сюда на несколько часов от фирмы подписать контракт на поставку оборудования для колбасного цеха.

– Ишь, ты, каких красавцев присылают-то! – заулыбавшись, проговорила женщина.

Оценивающе, словно куклу в магазине, снова оглядела его, и Пете показалось, что её карие глаза на мгновение недобро блеснули. Помолчав, сказала, что надо обойти домик с железнодорожной кассой. За ним будет шоссе, а там и автобусная остановка, на которой можно дожидаться автобуса.

Петя уже более часа тупо сидел на лавочке остановки, нервно барабанил пальцами по портфелю, в котором хранились документы, спортивный костюм и зубная щётка. Людей вокруг не было. За этот час по дороге проехал только один автомобиль, грузовик с жёлтой цистерной, на которой синей краской было написано «молоко», к тому же молоковоз проехал в другую сторону. Петя поднялся со скамеечки, решив вернуться на платформу, уточнить у перронной тётки, когда всё-таки будет транспорт до Выселок, и тут вдали показался автобус. Это был некогда белый, а теперь запylённый и во многих местах кузова ржавый ПАЗик. Автобус поравнялся с остановкой, стоящим в ожидании Петей и, не сбавляя скорости, поехал дальше. Петя заорал, замахал руками, потрясая портфелем, и побежал вслед. Метров через пятьдесят автобус затормозил, и запыхавшийся Петр запрыгнул на подножку открывшейся двери. Кроме хмурого, жилистого мужичка-шофера лет пятидесяти в ПАЗике никого не было. Петя плюхнулся на жесткое сиденье и, перекрикивая сильный шум мотора, попросил довести до Выселок. Шофер утвердительно кивнул и, быстро взглянув на него, попросил за провоз двадцать рублей. Протягивая водиле деньги, Петя попытался порасспросить его о местной жизни и о Выселках, но тот оказался неразговорчив и даже невежливо попросил не мешать разговорами работе. Петя насупился и стал молча рассматривать чахлые тополя да осины, густо растущие вдоль дороги. Через полчаса езды автобус остановился, и водитель буркнул себе под нос: «Выселки». Кроме будочки остановки и деревьев Петя не увидел ничего, поэтому спросил, где же всё-таки посёлок, на что водила, помолчав, выдавил, что Выселки будут метров через пятьсот, надо только миновать небольшую рощицу, пройдя по расхоженной тропинке.

Дорожка между берёз и клёнов действительно скоро вывела Петю в посёлок. Улица, по которой он шёл, когда-то была заасфальтирована, а теперь состояла в основном из ямок между редкими островками вспученного и потрескавшегося асфальта. «Хорошо, что сухо и нет луж, иначе кранты пришли бы новым ботинкам и бельгийским шерстяным брюкам», – размышлял он, рассматривая небольшие щитовые деревянные домики за палисадничками, тесно выстроившиеся по обеим сторонам улицы. Домики явно предназначались под казённые нужды, уж очень они были одинаковые и когда-то покрашены зелёной краской, теперь сильно облупившейся. Петю удивило, что из домов выходили женщины, казалось только для того, чтобы посмотреть на него. Много женщин. Все тётки были очень похожи друг на друга, крепко сбитые, коренастые, лет сорока, а то и старше, словно клоны той, которую он встретил на перроне. Многие из них были одеты в чёрные телогрейки, юбки и кирзовые сапоги. Разнообразие в одежду жительниц вносили только косынки разных расцветок и тонов на их головах. Проходя мимо молча пялившихся на него женщин, Петя чувствовал себя всё неудобнее. Возникало ощущение, будто он топает через какую-то бабскую зону. Взоры жительниц словно раздевали его. Он физически чувствовал взгляды, которые липко обволакивали, пропитывали одежду и прилипали к коже. Петя осознавал, что те, мимо которых он прошёл, не расходятся, а продолжают глядеть ему в спину. Вдруг его пронзило открытие, что на улице только женщины, ни единого мужика, только он один здесь представитель противоположного пола, и ему стало совсем страшно.

Стараясь не сорваться на бег, Петя шёл по улице, и дорога скоро привела его к высокому кирпичному забору, прямо к распахнутым ржавым железным воротам, за которыми он увидел трехэтажное здание, а в глубине двора ещё несколько построек. Он понял, что достиг цели своего путешествия, что именно здесь и располагается кооператив, с которым он собирался подписать контракт. Ему стало спокойней, и он смело вошёл в здание. Увидел дверь с надписью «Директор», открыл и встретился глазами с женщиной неотличимой от тех, кто на него глазел минутой раньше на улице. Только теперь до Петра дошло, с чего же ехидно улыбнулся его друг из департамента соцразвития, выдавая адрес этого поселения. Он ведь, гад, видимо, знал, что за общество с ограниченной ответственностью располагается здесь. Впрочем, друг не наврал, и переговоры оказались выгодными. Четыре женщины-босса в кирзовых сапогах, которые собрались на встречу с ним, благосклонно выслушали и согласились с его предложениями, подписали все бумаги, даже не обсуждая скидки и откаты. Они явно им любовались, обволакивая взглядом так же, как раньше делали местные на улице. За чашечкой чая, завершающей переговоры, они рассказали историю этого местечка. Ещё пять лет назад здесь был режимный психинтернат для женщин. Пациенток лечили женщины-врачи, а их всех вместе охраняли вохровки тоже женского пола. А потом дурдом закрыли, кому некуда было деться – остались здесь. Вот и живут, занимаются хозяйством, выживают.

Уже вечерело. Директриса и её соратницы стали уговаривать Петю поужинать с ними и переночевать в их офисе. Они смотрели на него ласковыми, зовущими глазами и говорили, что вечером возвращаться опасно, что ему надо остаться, что для них честь принять столичного коммерсанта. Петя, вдыхая запах их стареющих тел, отнекивался и предпочёл покинуть гостеприимную бывшую лечебницу. Тем более, через два часа к местному полустанку должен прибыть поезд, который отвезёт его обратно домой к маме и ласковой подруге Вике. В сумерках он снова прошёл по поселковой улице под раздевающие взгляды аборигенок. К его радости посёлок он миновал быстро, и знакомая дорожка через лесок вывела его к автобусной остановке. Уселся на скамеечку, ожидая транспорт, который, как ему сказали, должен скоро быть. Размечтался о барыше, который получит как посредник на поставках оборудования в это

странное местечко. Вспоминая, как гладко прошли переговоры, подтвердил себе, что не зря так спешно и тайно отправился сюда, что будет и на его улице праздник и много-много баблоса.

На небе появилась первая звёздочка, он знал, что это Венера. Автобус не спешил подъезжать. Петя начал понемножку замерзать и решил помочиться. Поднялся. Зашёл за будочку остановки и увидел женщин. Десяток женщин в телогрейках, делающих фигуры бесформенными, и брюках, заправленных в кирзовые сапоги, с синими сатиновыми платками на голове тихо стояли в метрах пяти и молча смотрели на него. Он попятился от них, от остановки. Ему всего лишь хотелось отлить, но он не решался это сделать на глазах у тёток. Он пошёл к деревьям, но чувствовал, что женщины идут за ним. Ускорил шаг и понял, что преследовательницы также увеличили темп. Петя побежал, женщины побежали следом, не отставая. Он пробежал несколько десятков метров и оказался в поле. Здесь бежать было быстрее. Подмёрзшая земля не проваливалась под весом и приятно пружинила, давая толчок всем четырём ногам. Он понимал, что бегущим за ним также легко и приятно отталкиваться от земли, поэтому они не отстанут. Они не должны отстать. Петя призывно мекал, подбадривая бегущих сзади. Вот и сарай, в который они должны забежать. Ворота открыты. Петя влетел в помещение и сумел затормозить только у дальнего угла, потому что копыта скользили по бетонному полу. Овцы, бегущие за ним, также скользили по полу и мягко налетали на него. Они были нежные, от них пахло теплом и прелой травой. От соприкосновения с их телами становилось горячо и ласково. Но Петя не поддавался чувству. Он следил, чтобы все вбежали в сарай, слушал топот ног, определяя, сколько ещё овец осталось за воротами. Когда забежали все, в сарай зашёл водитель ПАЗика, который подвозил Петю несколько часов назад. Он закрыл ворота, пару раз хлопнув створками, подгоняя их друг к другу, и вложил длинный брус в пазы створок, чтобы те не раскрылись. Подобрал у двери кусок короткой верёвки, подошёл к одной из овец, ухватил за заднюю ногу, завязал верёвку узлом над копытом, резко крутанул овцу, переворачивая, и связал задние ноги друг с другом. Присел, внезапно выпрямился, рывком поднимая блеющую овцу, и подвесил её на один из крюков во множестве вбитых в балку под потолком. Овцы блеяли, те, кого ещё живодёр не связал, прижимались к Пете, а мужик их одну за другой связывал и вешал вниз головами на крючья. Петя заворожено смотрел на процесс, понимая, что готовится массовое убийство, перебирал ногами, стуча копытами, мекал и не понимал, что ему делать. Его сердце бешено колотилось. Мужик развесил всех овец, подошёл к одной с большим ножом, ухватил её за голову, потянул вниз и полоснул блестящим лезвием по горлу. Крик жертвы в секунду сменился хрипом и бульканьем, а затем подвешенное тело начало молча биться в судорогах, поливая бетонный пол кровью. Блеяние висящих овец перешло в плач, в вопли страха. Реальные слёзы сочились из их чёрных глаз.

Петя не мог мириться со своей участью наблюдателя. Он разбежался и со всей силы боднул в бок мясника, перерезавшего горло второй овце. Мужик упал, выронил нож. Через мгновение поднялся, схватил своё страшное оружие, и, хромая, пошёл к вновь забившемуся в угол Пете. Петя попытался снова боднуть убийцу, но тот оказался ловчее. Схватил его за рога, умело крутанул и опрокинул на пол. Заорал: «Ну, ты, козёл, достал». Развернул его хвостом к себе, пнул под рёбра, левой рукой рванул вверх его правую заднюю ногу, раскрывая мошонку, и Петя осознал, что сверху, от потолка сильная рука направляет ему в пах окровавленный нож. Петя рванулся всем телом так быстро, так мощно, что в глазах у него потемнело и там возникли белые искры, поэтому он не увидел, куда бьют его копыта, которыми лягнул, вскакивая. Он не ощутил жёстких рук живодёра, это дало ему свободу несколько раз скакнуть и со всего маха врезаться основанием рогов в дверь.

Проухал филин. От его крика Петя встрепенулся на скамеечке автобусной остановки, раскрывая глаза, и тотчас зажмурился от света фар приближающегося автобуса. ПАЗик оста-

новился как раз, когда Петя проморгался. Он зашёл в открывшуюся перед ним дверь автобуса, ощущая, как странно и тяжело болит его голова. В автобусе опять никого не было, кроме давешнего шофера. «Двадцать рублей», – хмуро сказал водила, трогаясь. Петя залез в карман брюк за приготовленными двумя десятками и удивился тому, что дно кармана мокрое. Взглянул вниз и увидел, как со складки пропитанной влагой ширинки упала капля крови на грязно-желтый потёртый линолеум пола автобуса. Он вдруг почувствовал сильную резь внизу живота и неожиданно для себя начал проваливаться в черноту.

Очнулся Петя от тепла и яркого света. Он лежал на кровати, стоящей в небольшой комнате, со стенами и потолком, выкрашенными в белый цвет. Напротив него было большое окно, в котором ярко светило солнце. Солнечный свет падал на его лицо и серое шерстяное одеяло в белом пододеяльнике, покрывающее тело. Петя догадался, что он в больнице, вспомнил вчерашний кошмар и немедленно провёл ладонью по лобку и ниже. Его сердце учащённо забилося от страха, когда он под своим детородным органом почувствовал бинты, плотно перетягивающие промежность. Не обращая внимания на боль, рывком сел. У изголовья кровати увидел стул, на который был наброшен серый больничный халат, накинув его, вышел из комнаты, нашёл туалет, помочился. Вернулся обратно и опять улёгся в постель, тревожно пытаясь вспомнить, что же с ним произошло. Через какое-то время случайно взглянул на окно и за стеклом, над подоконником, увидел несколько женских лиц. Наблюдательницы с улицы молча рассматривали его, а он равнодушно отвернулся к стене.

Петя щипал травку, ощущая, как приятно солнышко нагревает спину. Рядом умиротворённо паслись овцы. Ночной ужас можно было бы забыть, если бы не рана в паху, которая напоминала о себе, когда он вздрагивал волнообразным движением тела, отгоняя мух и оводов. Впрочем, рана была неопасной, он понимал, что она скоро заживет, и поэтому не мешает с удовольствием жевать и удовлетворённо замечать, как овцы неторопливо перемещаются вслед за ним по лугу, признавая в нём вожака. Петя не почувствовал опасности, когда всё ещё хромающий пастух приблизился к нему. Он с удовольствием взял из его рук сухую корочку хлеба и удовлетворённо захрумкал. Хозяин подвёл его к изгороди из жердей и снова угостил сухариком, поэтому Петя не испугался, когда человек опутал ему верёвкой передние ноги. Он встрепенулся только, когда почувствовал верёвку на задней ноге. Но сопротивляться было поздно, в секунду он был опрокинут на спину, его ноги были связаны и прикручены к жердине изгороди над его головой. Петя жалобно замыкал, стесняясь овец, беспристрастно рассматривающих его согнутого, связанного, обездвиженного, прикрученного всеми четырьмя ногами к жерди, расположенной высоко, так, что он почти висел на ней, едва касаясь земли только крайней точкой в изгибе позвоночника. Ему было очень неудобно, даже больно, и он не понимал, зачем хозяин поступил с ним так нехорошо. Пастух достал из сумки две палочки, зажал ими основание Петинной мошонки и крепко-крепко перевязал верёвкой. Сделал разрез по коже над зажимом и оголил яички. Ухватил одно, крепко сжал и с силой потянул. Тупая боль сдавленной тестикулы смешалась с дикой резью от вырываемых из тела нервов и жил и заставила Петю завопить и заплакать. Живодёр, не обращая внимание на его эмоции, засунул нож прямо во внутрь растерзанной мошонки, к животу, и частыми надрезами не острого ножа стал перерезать натянутое струной соединение яичка и брюшины. Дикая боль, заполонившая Петю, заставила его ожидать ампутацию, как спасение, желать это. И действительно, вдруг боль затихла, на секунду Пете стало спокойно. Но почти сразу нахлынула вторая волна страдания, заставив его снова выгнуться, дрожа мелкой дрожью, и закричать – победитель принялся тянуть и отсекал второе яичко. После Петя, не шевелясь, свисал с жердины связанный, плакал, прикрыв веки, чтобы не встречаться взглядом с обступившими его овцами, которые, лениво пожевывая травку, с любопытством наблюдали процесс кастрации. Ему было жалко себя, страшно от того, что так

внезапно и жестоко случилась безвозвратная потеря и жизнь его вдруг, через насилие, изменится. Но ушла боль, которую он только что дважды пережил, и это давало покой истерзанному телу. Через какое-то время хозяин увидел, что кровь перестала течь, свернулась. Он подошёл к замершему козлу, отогнал от раны мух, склонился над ним и иголкой, с продёрнутой в неё суровой белой нитью, сшил края кожи, топорщащиеся над деревянным зажимом – всё, что осталось после отсечения мешочка мошонки. Петя, чувствуя неумолимый напор иголки, слабо подёргивался и всхлипом сопровождал каждый прокол. Закончив работу, пастух перерезал верёвки на палках, сдавливающих основание уже ненужной кожи, распутал ему ноги, поднял. Петя взглянул на стадо. Увидел на лицах овец неподдельное глумливое любопытство, и они рассматривали его, изменённого. Сострадание он не почувствовал. Волна стыда накатила и поглотила его целиком.

Он проснулся оттого, что кто-то легонько тормозил его за плечо. Перед ним на стуле сидела полная коренастая женщина в белом халате. На коленях она держала большую тарелку с горячей манной кашей.

– Давай я тебя покормлю, миленький, – улыбаясь, сказала женщина.

Петя покачал головой. Он не хотел есть, он чувствовал страшную усталость и боль в мышцах рук и ног, как после страшного напряжения. Петя спиной надвинулся на подушку, усаживаясь на кровати. С удивлением увидел на своих запястьях синяки и ссадины, будто от верёвки. Петя взглянул на пришедшую незнакомку, увидел за её спиной окно, а за ним пасмурное небо и женские головы в ситцевых косынках, внимательно созерцающие его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.